

Владислав Муратов

Давидия

Владислав Муратов

Давидия

«Издательские решения»

Муратов В.

Давидия / В. Муратов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742675-0

Привычный нам мир рушится: люди в нем, как по велению Всевышнего, начинают сходить с ума и творить немыслимые вещи. На что вы готовы пойти, чтобы сохранить вашу семью в среде погибающего и несущего ужас человечества? Как не сойти с ума самому? И из-за чего вообще произошла эта чертовщина? Кто судья, а кто будет судимым? Главный герой, основываясь на своих горьких воспоминаниях, ответит на эти вопросы.

ISBN 978-5-44-742675-0

© Муратов В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Давидия

Владислав Муратов

© Владислав Муратов, 2021

ISBN 978-5-4474-2675-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Борясь с глубочайшей депрессией, я сел за пишущую машинку. И пусть болят мои пальцы, ежесекундно давя на эти прогнившие клавиши, но только не голова от муторных до слез пережитков. Я вспомню всё, что было, еще раз, последний раз, чтобы скомкать это внутри себя... пережевать и выплюнуть.

Глава 1

Мы жили на окраине Далтона. В пяти километрах от этого мелкого провинциального городка. Около двадцати лет назад я покинул родную мне Австрию и обосновался здесь. Отстроил комфортный дом и сплотил под его крышей прекрасную семью.

Так как основные события, я бы даже сказал «все события», будут происходить именно в Далтоне и непосредственно в его окрестностях, то, мне кажется, стоит немного поведать об этом городе.

В пик мировой глобализации несколько семей немецких и польских протестантов решили перебраться в восточную Европу, на юг Восточно-Европейской равнины, в неосвоенный лесистый клочок, где они возвели небольшой храм и несколько финских домиков. Вслед за этими семьями явились и другие, желающие приобрести здесь недорогие десять соток земли. Немногим погодя, лет так за двадцать, численность населения Далтона возросла до восьми тысяч человек. И кто знает, сколько людей здесь еще могло поселиться, если бы не произошли те события, о которых пойдет речь в дальнейшем.

Семья Мейеров, то есть я и моя жена Лиза, с которой мы познакомились, когда она приезжала с туром в Вену, поселилась в этом городке как раз тогда, когда Далтон еще даже не отметил свой первый пятилетний юбилей. Сколько помню, тогда еще только начинали возводить здание администрации. Мне даже удостоилось этому посодействовать. В связи с чем я получил право на покупку нескольких гектаров земли в пяти километрах от застраиваемой площадки – на возвышенности – в труднопроходимой лесной чаще.

Но почему так далеко от ратуши? – спросите вы.

На самом деле этому поспособствовало несколько факторов. И вот некоторые из них. Пожалуй, самые весомые.

Еще до того, как мне встретила русская красавица Лиза Седельникова, я узнал, что являюсь единственным наследником всего нажитого дедовского имущества. Так как родителей у меня нет уже очень давно, никогда не было близких родственников и не осталось хороших друзей, то я решил распродать всё семейное нажитое и оставить прошлое там, где ему место – позади.

И не зря. Ведь я встретил Лизу. После знакомства с ней мы еще долго переписывались в сети, а затем я перебрался в Москву, где она училась. Не успели глазом моргнуть, как мы поженились, и перед нами встал вопрос об поиске совместного жилья.

На тот момент у меня было достаточно денег, чтобы приобрести хорошую квартиру в столице. Но мне нужно было не просто жилье – мне нужно было место, где бы меня не достала мать Лизы. Так мы выбрали Далтон.

Да, Евгения Борисовна не полюбила меня сразу. Впрочем, это не то, о чем мне хотелось бы рассказывать.

В итоге, семья Седельниковых, то есть родители Лизы, решили переехать в Далтон вместе с нами. Тогда я и согласился поселиться там, где вокруг моего дома будет один лишь лес, да размытая грязью единственная дорога, соединяющая мои четыре гектара с цивилизацией. Скажу более, дороги тогда вообще не было. Лишь со временем я накатал ее на своем пикапе за годы, прожитые в Далтоне.

Так, располагая валютой, мы с Лизой возвели огромный дом, расчистили территорию и начали заниматься садоводством и огородничеством. Выращивали в основном для себя, ведь тех денег, которые я получал за свою работу, а я был наместным (участковым уполномоченным полиции), нам хватало вполне достаточно.

Семнадцать лет назад родилась наша первая дочка Виктория. Спустя еще два года сын Фабиан. А через еще пять лет родилась жемчужина нашей семьи, самая младшая дочь по имени Давида.

Сколько проблем доставляют девочки-подростки, когда они начинают чувствовать себя взрослыми? У них появляются проблемы, которые они больше не хотят разделять с родителями – они думают, что со всем справятся сами. А родительские советы и вовсе становятся для них подобием наставлений, которые, по их мнению, только вредят им.

Когда Виктория преодолела отметку этого возраста, она стала именно такой. Хотя, признаться, другие девочки обретаю́т эти качества еще раньше. Стоит вспомнить семейку Шиллингов, чей глава семейства работал вместе со мной в участке: его дочь вышла замуж в шестнадцать лет. Так что нам, Мейерам, еще крупно повезло.

Заканчивался первый месяц весны. В нашем регионе таял последний снег и потихоньку начинало теплеть. Уже чувствовалось, как совсем скоро на деревьях начнут появляться почки, а у самых ног цвести луковичные и клубневые растения.

И вот в один из тех мартовских дней Виктория заявила, что хочет познакомить нас со своим парнем Патриком Возняком. Вечером он должен был заявиться к нам на ужин.

Конечно, я отреагировал на это негативно. Какой-то смазливый юнец должен был прийти в мой дом и попытаться добиться моего расположения. Нет, мне это однозначно не нравилось, и поэтому я надеялся, что он заблудится или застрянет где-нибудь по пути к моей хижине. Благо, прошел дождь, и все пять километров, что ведут ко мне через лес, превратились в непреодолимое болото.

Чего не скажешь о Седельниковых. Те на радостях, преподнесенных старшей внучкой, сквозь все ненастья явились к нам еще тогда, когда я был на работе. Мне оставалось уповать лишь на то, что бог справедлив, и, пропустив одних, он не пропустит второго.

Впрочем, не повезло. Но я привык к ирониям свыше. Патрик уже парковал свой внедорожник, а ему навстречу выбегала Виктория.

– Помнишь, о чем я тебе говорила? Не дерзи отцу. Ни в коем случае. Соглашайся с ним даже в тех ситуациях, когда тот не прав, – наставляла Виктория, чей голос я подслушал, скрываясь за оконным жалюзи.

Подслушивать разговоры посторонних нехорошо. Я это прекрасно понимал. Но, думаю, любящему отцу должно быть простительно.

– Я всё время только и думал, как бы получше зарубить себе эти правила. Не переживай. Прорвемся, – утихомирил герой-любовник. – Я так боялся опоздать на ужин, что поспешил и в конечном счете приехал на час раньше.

Поначалу мне казалось, что это будет какой-нибудь прыщавый юноша из колледжа, но теперь я понимал, что имел дело с кем-то гораздо хлестче.

Патрик не выглядел на те года, которые я давал ему по разговорам с Викторией. Он был постарше. Впрочем, она и не рассказывала о нем много, сами понимаете. На деле это оказался подтянутый мясистый парень, скорее всего, из группы студентов-атлетов, – так предполагал я. Высокий рост, примерно моего, – сто восемьдесят пять сантиметров. Строгая представительская одежда, выглядывающая из-под расстёгнутой куртки. Три дня назад бритая щетина и шапка с бубенчиком, которую наверняка связала его любящая бабуля на подобие Евгении Борисовны.

Вопреки ожиданиям моей дочери, которая хотела, чтобы я выглядел «цивильно», мне посчиталось наиболее правильным показать Патрику то, какой я есть. Пусть знает, с кем ему придется видаться каждый Новый год и в течение тридцати дней октябрьских праздников всемирного примирения. Я напялил на себя свои старые изношенные джинсы, заправил в них

не менее затасканную клетчатую рубаху и, подкатывая рукава, как я это всегда любил делать, продолжил наблюдать в окно.

– Знала, что ты поведешь себя так, как всегда, – Лиза мягко коснулась ладонью моего плеча, плавно выбравшись откуда-то сзади.

– А чего ты ожидала? – я продолжал пялиться в окно, проклиная взглядом любые попытки Патрика поцеловать мою дочь. – Мне кажется, Виктория с самого начала понимала, что так всё и будет. Но она не сдаётся.

– Это твоя черта, – с резким выдохом и сопроводительной улыбкой заметила Лиза.

Я не мог не обернуться на это. Я повернул голову и посмотрел сначала на прекрасную улыбку, а потом в глаза и поцеловал.

– Когда ты наконец сбреешь свою бороду, Брендан?

– Зато у Виктории твои глаза и улыбка, – протянул я, как бы пропустив мимо ушей ее вопрос.

– Главное, что не твоя борода, – напоследок улыбнулась Лиза и спустилась в гостиную, где ожидала появление гостей.

Я же вновь проник взглядом сквозь жалюзи и принял во внимание, что Патрик и Виктория делали следующий шаг. Они направлялись к двери, за которой их встретят Седельниковы и моя семья. Потом, скорее всего, дочка отведет Патрика к себе и проведет генеральную репетицию перед встречей со мной.

Меня всё устраивало. Мне того было и надо, чтобы я уселся за стол, сделал грозный непробиваемый каменный взгляд и отпугнул молодца. В теории это было не так сложно, но на практике будет преподнесено много сюрпризов.

Пока Лиза, вместе со своей матерью, металась от стола к кухне и обратно, нося различного рода утварь и прочие труды женского времяпровождения у плиты, я, Фабиан и Юрий, муж Евгении Борисовны, сидели в гостиной и обсуждали штучки из жизни города.

Но извечно модным политическим темам тоже иногда находится предел. Этот предел нашли и мы. Хотя, признаться, его трудно было не найти. Ведь никакие разговоры не могли отвлечь от мыслей о Патрике.

– Вероятнее всего, я буду его защищать – ты это уже осознал, Брендан? – вдруг начал Юрий, выдерживая некоторую долю ухмылки. – Этот Патрик показался мне неплохим парнем. Во всяком случае получше, чем выглядел ты в те времена, когда пришел за моей дочерью.

– Интересно, какими же качествами он меня обошел? – поинтересовался я, лишь на пару секунд ненароком избавившись от каменного лица.

– Начнем с того, что он умеет бриться, – второпях и вполголоса пошутил Юрий, услышав голосок приближающейся старшей внучки, которая, вероятнее всего, была не одна.

Да. Я любил свою пышную бороду. Как мне всегда говорила Давида: «Ты похож на царя Леонида». Что же для меня, мне казалось, так я выглядел гораздо мужественнее и соответствовал образу фермера, коим чуточку являлся. Об этом говорила и моя фамилия, Мейер, которая переводится с немецкого как «землевладелец» или всё тот же «фермер».

Но не будем трогать мою бороду. Ведь у нас сейчас ужин, и за столом собрались все, кроме Давиды и виновников сбора семейства.

Я традиционно сидел у завешенной охотничьими трофеями стены, с одной узкой стороны стола, а напротив меня, на другом конце, сидела Лиза. По мою левую руку расположились мужчины, по левую руку жены женщины.

– Знакомьтесь, – вошла Виктория, представляя своего ухажера, – это Патрик. – Девочка вела себя несколько неестественно, что я сразу заметил. Вопреки ее легкомыслию, зачастую проявляющемуся в необдуманных глупеньких выражениях, Виктория вдруг сразу как-то поумнела, стала сдержаннее – научилась держать словечки за зубами.

Скинувший с себя верхнюю одежду молодой человек, оказался еще старше на вид. Теперь уже казалось, что ему не меньше двадцати пяти. Как раз столько же, сколько было мне, когда я знакомился с семьей Седельниковых. Что это, очередная ирония свыше?

Возраст Патрику придавал как его мускулистый вид, так и сочетание лысины с трехдневной щетиной. Да, он был лысый. Но это не выпадение волос, а стрижка. Но зачем? Признаться, с первого раза я не догадался.

– У тебя что – лейкемия, рак? – нарочно ляпнул я, как только обратил внимание на лысину.

– Брендан, что ты такое говоришь? – тут же спохватилась Евгения Борисовна.

Но Патрик всё понял и нашел в себе ответ. Иначе говоря, ему и искать ничего не приходилось. Он просто начал говорить правду.

– Я военный. Контрактник.

Если бы не моя борода, я бы не смог скрыть пронзившее меня удивление. Поэтому я сильнее натужил брови и начал наблюдать за Патриком. Он всеми силами пытался избежать моего прямого взгляда, но ему это удавалось с трудом.

– Военный? Это же очень здорово, – подхватила Лиза, поглядывая на меня, как бы показывая, чтобы я уговорил свой пыл. Но я не мог.

– Кого ты к нам привела? – спросил я у Виктории, делая это специально назло Патрику. – Как ты с ним вообще познакомилась? Он разве не студент по обмену? Я думал, он один из тех парней из колледжа, которые приезжали агитировать к вам в школу.

– Как видишь, ты думал неправильно, – ответила Виктория, незаметно для всех показав мне язык.

– На самом деле мы познакомились в вашем храме, – вдруг начал Патрик. – Как вы сами понимаете, я не в России рожден, и поэтому мне стало интересно посетить один из ближайших протестантских храмов. Далтонский оказался наиболее близким к Ростову. Там мы и познакомились.

– Я знал, что не нужно было ездить в этот проклятый храм, – прошептал я себе под нос. – Бог не перестает иронизировать.

– Что ты там шепчешь, Брендан? – вдруг заглянула Евгения Борисовна.

– Да нет... так, – развеял я, отмахнувшись в сторону. – Так значит, ты говоришь, военный. И как давно длится твой контракт? На каких условиях? Откуда ты вообще такой взялся в России? – осыпал я очередью из вопросов.

– В двадцать лет подписался. Переехал из Польши по соглашению умиротворения. Знаете, как это происходит, да? Русский в польскую армию, поляк в российскую.

– Та не учи ты. Сколько служишь? Один год? Два? Три? Может, четыре? – я предпринял несколько попыток надавить.

– Пять лет, – послышалось в ответ. – Мне двадцать пятый годок стукнул.

– А ей семнадцать, солдатик. Когда ты был в ее возрасте, Виктория еще под стол пешком ходила.

Наверное, если бы не подсказки Лизы, которая то и дело улыбалась каждой моей нелепой попытке нагадить, Патрик может быть бы отчаялся, и я бы его больше не увидел. Однако этого не случилось. Патрик понимал, что все вокруг, кроме меня, его поддерживают. Это служило для него хорошей опорой. И он добился своего.

Я не стал ему угрожать, хоть мои порывы изначально были несерьезны, но ясно дал понять, что мою дочь он просто так не получит. Ему придется попотеть.

Конечно, попотеть придется всем. Ведь с того мартовского вечера пройдет всего несколько витков земли вокруг своей оси и мир больше не сможет стать прежним. Хотя, смотря как на всё это посмотреть. Другими словами, читайте.

За ужином мы просидели всего около получаса. А когда за окном начало темнеть, я вызвался сходить за Давидой. Вероятнее всего, она осматривала наши именные растения.

Дед, Фабиан Мейер, в честь которого я назвал своего сына, ведь без него я бы никогда не переехал в Россию, был последним из Мейеров, который поддерживал нашу семейную традицию. А заключалась она в следующем.

Когда в семье рождался ребенок, родители должны были посадить дерево, которое будет расти вместе с ним. У этого нет никакой связи и суеверия. Просто так было принято. Традиция.

Тогда я решил ее возобновить. Когда появилась Виктория, я подыскал подходящую площадку и посадил там березку. Как мне сказала Лиза, это дерево, символизирующее ее родину. С тех пор береза хорошо выросла.

В честь Фабиана, в момент его рождения, я посадил яблоню Недзвецкого. За пятнадцать лет она вытянулась чуть ли не больше, чем береза, и теперь каждый год дает неплохие плоды.

С Давидой было посложнее. Мы долго колебались, какое растение посадить. Перебрали множество вариантов и остановились на Давидии. Собственно, название дерева отчасти и послужило именем маленькой девочке. Ведь изначально мы ожидали мальчика. Хотели назвать его Давидом. Но мы любили сюрпризы, и это сдерживало нашу любознательность – мы не решались узнать, кто родится до самого последнего момента. На свет появилась девочка Давида.

Первые семь лет ее именовое растение росло на ура. Дерево созревало и становилось большим. Ничего не предвещало гниение. Но за последние три года оно изрядно потрепалось. Стало подсыхать. У Давиды появилось опасение, что в этом високосном году растение может вовсе не расцвести.

– Ну что ты? – подсел я к дочке, которая наблюдала за уходящим солнцем. – Как твое дерево?

Мы любили вечерами садиться под чье-нибудь дерево и провожать взглядом закат. Так как всё наше имение располагалось на возвышенности, перед нами открывались красивейшие пейзажи.

Давидия была посажена недалеко от склона, который плавно спускался вниз метров на десять. Таким образом был виден лес, простилающийся на много километров на запад, аж до самого горизонта, где угасающими лучами и алым заревом потихоньку скрывалось солнце.

Потрясающее чувство – ощущать, что западнее твоего дома труднопроходимые нетронутые леса, охраняемые по праву национального заповедника, а восточнее, в пяти километрах сквозь всё тот же, правда, менее девственный лес, развивается Далтон. Ощущение того, что вокруг тебя только деревья, за исключением островка из вырубленных четырех гектаров земли под наше жилье и огороды, приносило неимоверное удовольствие. И, о Боже, как я был прав, когда говорил, что семья и эта опушка на возвышенности посреди леса – это всё, что мне нужно. Большого не пожелаешь.

– Давидия сохнет, пап. Этой весной она не расцветет. Неужели ей так много надо для жизни? Она стоит одна одишенька. Яблоня Фабиана вон аж где. – Яблоня росла в десяти метрах от Давидии вдоль западного склона. Еще через такое же расстояние, всё по той же траектории, стояла березка. – Вокруг одна только трава, да и только. И солнце греет.

Давида была очень умным ребенком для своих лет. Она рано начала говорить, ходить. И вообще, ей с легкостью давалось всё то, чего другие дети еще даже не понимали. Она всегда всем интересовалась и от того становилась только умнее.

– Сейчас только март, малышка. Помнишь, прошлый год? А позапрошлый? Давидия подсыхала, но постоянно распускала цветки. В этот раз будет то же самое, поверь мне.

Давида улыбнулась, прижалась и мы спокойно пошли домой.

Комната младшей дочери находилась на втором этаже, а ее единственное окно выходило на задний двор, на красивейшие западные пейзажи.

Вечерами, когда я был на работе, и семье не удавалось полюбоваться закатом, Давида садилась у окна и смотрела. Ее не пугало одиночество. Ее не пугало почти ничего. Ведь девочка всегда находила, чем себя занять. От того, по-видимому, и ум.

Однако, по вине родительского несовершенства, Давида всё же обрела некую фобию.

Еще лет пять назад, когда она напрочь отказывалась спать, мы с Лизой решили припугнуть ее неким созданием по прозвищу Хока. Мы не делали ничего особенного, просто говорили: «Ложись спать, иначе Хока придет». И однажды это сработало.

Одной ночью мы укладывали Давиду спать, ей тогда было всего пять лет, и не могли ни о чем подозревать. А на утро, когда мы завтракали, собираясь ехать в Далтон, дочка сказала, что видела Хоку.

Мы не на шутку перепугались. Особое опасение вызвали слова девочки, произнесенные позже – ведь она запомнила это существо и попыталась описать его.

Конечно, ей мог присниться всего-навсего сон. Но это предположение не избавило меня и Юрия от нескольких ночей дежурства в палатке на заднем дворе.

Со слов Давиды, она не хотела спать и, как обычно, уставилась в окно, за которым было уже очень темно и ветрено. Дочка разглядывала звезды, как вдруг в свете, что исходил из окна первого этажа и ненароком подсвечивал огород, появилась темная фигура. «Оно» стояло на заднем дворе, метрах в двадцати-тридцати, как я тогда понял. Тело было статично и почти не шевелилось. «Он смотрел на меня» – первый раз рассказывала Давида.

Еще больший ужас вызвало более детальное описание существа. Конкретно, когда девочка сказала, что у него нет лица. Представьте себе существо, пусть даже человека, в темной однотонной одежде и белой маске, у которой нет ни глаз, ни рта, ни носа. И «это» стоит недалеко от вашего дома и наблюдает за вами.

Когда Давида отошла от окна, рассказывала она, то Хока также попятился назад и вскоре пропал в тени ночи.

Сей факт очень насторожил нас. В том возрасте девочка еще не умела врать; пусть она смотрела телевизионные передачи, но еще не ходила в детский сад.

Изначально мы посчитали, что это может быть какой-то маньяк, который скрывается в здешних лесах. Но я часто уходил в глушь на охоту и никогда никого не замечал. Иной раз заходил достаточно далеко, чтобы обнаружить хоть какие-либо следы. Но так никогда ничего и не находил.

В общем, новость о Хоке заставила нас всполошиться. Мы дежурили всю ночь, вооружившись двустольными охотничьими ружьями, а Юрий дежурил еще и днем. Проведя таким образом и в таком распорядке всю неделю, мы успокоились и сочли Хоку за детскую фантазию.

Всё бы ничего, но уже через месяц нам снова пришлось обратиться к дежурству. На этот раз паника была так сильно поднята, что жена чуть ли не уговорила меня написать заявление в федеральную полицию. «Но ведь я и есть полиция» – твердил я.

На этот раз Давида видела Хоку в том же самом месте, но теперь, с ее слов, существо звало ее с собой. Оно махало ей рукой, зазывая пойти в лес.

Конечно, девочка знала один лишь ответ на всё это – она ложилась спать.

В третий раз, когда Хока пришел еще через месяц, в конце августа, дочь сказала, что существо заходило к нам в дом. Должно быть, оно снова стояло на том же самом месте, но, когда стало приближаться, Давида просто легла спать. Она посчитала, что оно забралось на кухню.

Однако, не обнаружив следов проникновения, мы наконец пришли к выводу, что, скорее всего, у девочки плохие сны. С тех самых пор она видела Хоку, наверное, лишь раз пять-шесть, если мне не изменяет память. Но несмотря на то, что Давида не видела его последние два года, она всё равно боялась, что оно когда-либо вернется.

– Па-а-п, – протянула дочка, лежа в кровати под толстым слоем зимнего одеяла. Я повернулся к ней лицом, сидя рядом, и улыбнулся.

– Когда-то и я буду такая как Виктория.

– Не хочу и думать об этом, – продолжил улыбаться я, глядя в эти самые честные глаза.

– Тогда мне нельзя спать – так я никогда не вырасту, – уловила Давида.

– Да, я бы многое отдал, чтобы этот год задержался как можно дольше, – прошептал я, поднимаясь с кровати. – Отдал бы чуть менее за то, чтобы он просто запомнился мне на всю жизнь. Чтобы, вспоминая, я мог переживать эти счастливые моменты снова и снова.

Я еще не знал насколько пророческими окажутся мои слова. Только слово «счастливые» будет заменено словами: «боль», «тяжесть» и «страдание».

– Сегодня попробуем спать без светильника? – сделал пару шагов я в сторону источника света.

– Ну уж нет, – улыбаясь, простонала она.

Тогда я пожелал спокойной ночи, вышел из спальни и ушел к Лизе, чтобы уснуть и начать новый день.

Глава 2

Давным-давно, с момента, когда мы впервые ступили на порог отстроенной полноценной хижины, у нас сложилась традиция раз в неделю посещать далтонскую протестантскую церковь. С тех пор без поездки в храм не обходилось ни одно воскресенье.

Не хочу говорить, что мы были верующими. Наверное, даже наоборот. Поэтому то, что мы называли традицией, скорее всего, было просто привычкой.

Так, Лиза, будучи домохозяйкой, использовала нашу семейную поездку, как возможность выйти в город. Фабиан знал, что я позволю ему прокатиться на пикапе, поэтому его желание посещать церковь тоже не без корысти. А Виктория вообще, видимо, ездила только из-за шанса встретиться с Патриком.

Что же касается меня и Давиды... мне трудно что-то сказать. Наверное, если мои поездки в церковь можно было объяснить желанием поразвлечь семью, то младшая дочь, вопреки всем, была единственным Мейером, кто хотела приехать, присесть, замолчать, сложить руки в замок и поговорить с Богом.

– За что ты молишься? – заинтересовано шепнул я, сидя рядом с дочерью, которая лбом опустила на кулачки, держа их на спинке передней полосы скамеек.

В ответ девочка ничего не сказала. Она продолжила неподвижно сидеть, что-то нашептывая себе под нос.

– Да-да, понял. Я не должен был тебя отвлекать.

Давида продержалась в таком положении еще секунд десять, а затем подняла голову и ответила:

– Я прошу Бога, чтобы тот уберег нашу семью. А еще я прошу, чтобы он вылечил мое дерево.

– Благородно. Бог любит благородных. Он им помогает.

На самом деле я ничего не смыслил во всех этих духовных делах. А говорил так лишь для того, чтобы дочка во что-то верила. Вообще, детям нужно во что-то верить. Случись несчастье, им будет проще объяснить это божьей волей, нежели вселенской случайностью или, того хуже, глупостью людей.

– Я отвезу вас к Седельниковым, – начал я, как только мы погрузились в пикап.

– Можно я поведу? – решил воспользоваться Фабиан.

– Хочу сахарную вату, – продолжила Давида, последовав за братом.

Затем тишина. Мне почуялось неладное.

– Не хватает чьего-то каприза, – заметил я после чего окинул взглядом заднее сиденье. – Где Виктория? – затребовал ответ от Лизы. Конечно, я подозревал, что в ее ответе прозвучит имя «Патрик», поэтому заранее скривился.

– Ты всё прекрасно знаешь, Брендан. Патрик доставит ее к нам домой, как только начнет темнеть. Первая звездочка на небе, и они явятся тут как тут.

Лиза всегда относилась ко всему как-то равнодушно. Казалось, что она живет в каком-то собственном безмятежном мире. Может быть, где-то внутри себя она переживала, но снаружи, как самый настоящий актер, играла спокойную милую улыбающуюся жену.

– Нет, не произноси его имя, иначе я сейчас блевану.

Но Лиза, в свойственной ей манере, нашла в этом что-то смешное и решила повеселить детей.

– Патрик. Патрик. Патрик, – назойливо, но в шутку повторяла она. – Привыкай.

– Если такое будет продолжаться дальше, ты увидишь приготовленный тобою утренний омлет, – напоследок отшутился я.

В общем-то, мне пришлось смириться с мыслью, что Виктория останется с этим проходимцем. Но на вечер, когда тот привезет ее домой, я планировал провести для него профилактическую беседу.

Полицейский участок Далтона не был каким-то отдельным крутым зданием, как это бывало в городах побольше. У нас это был просто отдел или даже комната, которая находилась в здании администрации. Именно поэтому в городке было всего два полицейских: я и Маккензи Занавески, в народе именуемый просто Маком.

Однако никто не жаловался: двое наместных вполне нормально справлялись с теми мелкими преступлениями, что происходили в Далтоне. Если эти деяния вообще можно было назвать преступлениями.

Так, в период со строительства здания администрации, придания Далтону официального статуса поселения, и вплоть до описываемых мною событий, не произошло ни одного убийства и даже просто попытки покушения на чью-либо жизнь. На моей памяти только мелкое воровство, которое, кстати, порою не так просто разрулить, а также постоянные попытки тех или иных «предпринимателей» заняться самогонварением. Или, как это у нас частенько называли – погонять Сэма.

Я припарковал пикап с синими номерами на специально отведенной стоянке у здания мэрии (место под две машины) и пошел в отдел, где меня должен был ждать Мак. В тот день он получил донос, который написала одна сварливая старушка, проживающая недалеко от церкви. Она донесла, что ее сосед незаконный самогонщик.

Моя ладонь только потянулась к дверной ручке, ведущей в отдел, как металлическая конструкция отворилась, и за ней показался Мак Занавески.

– Видел, что показывают по телевизору? В Китае чертовщина творится! – сходу начал он и потащил меня обратно на парковку.

– Что мне до твоего Китая? У меня дочку из семьи уводят, – в своем духе ответил я.

Мак был хорошим рассказчиком, его истории можно было слушать и слушать. Но в тот раз я опустил его попытку рассказать мне о «чертовщине», как он выразился. Тогда эта информация показалась мне ненужной. Впрочем, узнай я о ней раньше, вряд ли я получил бы заметное преимущество перед всеми теми событиями, что произойдут позднее.

– Вспомни старика Шиллинга. Он отпустил свою дочь в свободное плавание уже в шестнадцать ее полных лет.

Стив Шиллинг, выходец из Шотландии, которого у нас с уважением называли дедом Стёпой, был предшественником Мака Занавески на его должности. Стив покинул свой пост около пяти лет назад, после чего увлекся охотой. Его пенсии едва хватало на оплату коммунальных услуг, поэтому ему приходилось брать в руки ружье и идти за дичью. Но он не унывал и, казалось, был счастлив. Мы частенько встречались в лесу, чтобы выгонять животных из заповедной зоны, а затем охотиться на них.

– Да-а. Сейчас одиноко живет в своей хижине на краю Далтона. Дочь его даже не навещает.

– Ты сказал с таким сожалением, будто сам живешь где-то в центре города, – рассмеялся Мак, усаживая свою задницу на переднее пассажирское сиденье.

Мак Занавески был немногим моложе меня. На шесть лет, если мне не изменяет память. Он перебрался в Далтон из Кракова, где также работал полицейским. Когда дед Стёпа заявил о своем скором уходе, то администрация начала искать замену старику. А так как среди горожан достойного кандидата найдено не было, то родственники Мака, приехавшие сюда еще в момент основания города, связались с ним и уговорили приехать. Так я обрел себе нового друга, с которым у меня сразу сложились хорошие отношения.

Мак был из тех людей, кто любил лезть на рожон. Ему нравилось рисковать. Хотя и существовал человек, ради которого ему нужно было быть осторожнее – его сын Мирослав.

Мирослав долгое время отказывался переезжать. Несмотря на то, что у него не было матери, причину чего мне Мак так и не открыл, единственный сын перебрался в Далтон только незадолго до катастрофы.

– Когда ты сможешь выбраться со мной в заповедную зону? Мы давно уже не охотились, – вдруг подумалось мне, когда колеса старого пикапа покатали колымагу к старушке-доносительнице.

– Это ты в продолжение о Шиллинге вспомнил? – как-то затейливо улыбнулся он. Но дальше будет понятно почему. – Сейчас если идти на охоту, то только вдвоем: ты слышал какие там кабаны бегают? А дед Стёпа без «ствола» на охоту не пойдет.

Старик Шиллинг любил выпить. Не то потому что он ирландец, не то потому что обрел русскую душу. Этого никто так и не понял. Хотя, по всей вероятности, в нем объединилась и та и другая концепция: дед Стёпа мог пить в три горла и не пьянеть. От этого его глаз становился только четче, охота, что естественно, веселее, а фортуна на каждую опрокинутую рюмку только ближе.

– Приедем к новоиспеченному «предпринимателю», снимешь пробу его Сэма и возьмешь себе как трофеем, в случае чего. Будет с чем к Шиллингу завалиться, – сказал я.

Скоро мы были уже на месте. Сначала поговорили с бабушкой, сбавленной ее родными в наш городок, а потом отправились к ее соседу.

Тот жил в небольшом деревянном домике, который, очевидно, возвел сам, без всяких компаний, в отличие от меня. Наверное, поэтому его домик уже покосился. А может быть и не поэтому.

Многие жители Далтона пользовались услугами компании-застройщика «МиллерДом-Строй». Все их дома возводились по одной технологии и поэтому были более-менее похожими. По этой причине самовозведенный дом рыбака Юрия Буденко выделялся среди остальных, и найти его было очень просто.

В этом деле я решил не участвовать и остался в машине. Мак пошел сам. Впрочем, ждать его долго не пришлось. Уже спустя десять минут он вышел из избы с довольным лицом и парой добротных стеклянных бутылок.

Взятка? – спросите вы. Мы это так не называли. Просто были люди, которых просто жалко. Чем им еще было заниматься? Самогоноварение для них могло быть просто как хобби. Другими словами, преступлением я это не считал. Для меня это то же самое, что рыбалка или та же охота.

Далее, под упрямыми наставлениями напарника, мы поехали к старику Шиллингу. Тот сидел на крыльце в кресле-качалке и потягивал сигарету. Его рыжая борода, чуть больше моей в размере, была видна с расстояния в двести метров.

– Какие люди! – вскрикнул он, стоило нам заехать на его газон, который никогда не ограждал ни один забор. При этом старик как всегда оставался спокойным, как удав, и непоколебимым, точно скала. Его голос странно сочетал в себе одновременно радость и безразличие.

– Живой еще, Стёпа? – крикнул Мак, выходя из машины.

– Я еще тебя переживу, засранец! – ответил Шиллинг, громко засмеявшись, после чего последней затяжкой докурив сигарету и смял ее в пепельницу.

Уговаривать его по вопросу охоты долго не пришлось. Стоило сказать пару предложений об огромных кабанах и немного позвенеть бутылкой Сэма, дед Стёпа тут же дал понять, что готов идти хоть сейчас.

В общем, договорились на полночь.

Тем вечером Патрик немного запоздал, и я решил использовать это как плацдарм для профилактики.

Когда он попрощался с Викторией и собрался уже было уезжать, я вышел и задержал его.

– Спешишь уехать? Приехать сюда ты так не торопился, – надавил я, опершись о внедорожник паренька.

– Немного не рассчитал, мистер Мейер. И вообще, не я выбирал место жительства, куда ведет одна убитая дорога.

После обмена предложениями мы замерли, смотря друг на друга. Наверное, каждый из нас искал в себе, что сказать.

– Я прекрасно понимаю, что я вам сразу не понравился, мистер Мейер, – нашел в себе Патрик. – Но неужто у меня нет никаких шансов?

– Может быть, ты парень хороший. Но на словах я это никогда не узнаю. Мне нужно увидеть тебя в деле.

– И что же я должен сделать? Построить вам сарай? – посмеялся он.

Я же старался оставаться камнем.

– Сегодня ты пойдешь со мной на охоту. Мы будем охотиться на кабана. Но от сарая я бы тоже не отказался. – После этой фразы мне почему-то стало смешно. Я некоторое время, две-три секунды, сдерживал в себе вырывающийся порыв, но потом обессилил и рассмеялся.

Наверное, Патрик давно понял, что я грозный лишь с виду. Думаю, это показали лица моих родных еще в тот день, когда Виктория впервые привела его к нам.

– Почему бы и нет? – согласился он. – И Вика будет не против. К тому же мой отгул заканчивается только во вторник.

Конечно, разговор должен был закончиться далеко не так, как это вышло у нас. Но я растерялся, и моя профилактическая беседа превратилась в, так сказать, благословение охотой.

Полночь. На полотне ясного ночного неба ярко светила луна и звезды. Где-то вдалеке завывали волки. Всё это создавало привычную атмосферу для заядлого охотника наших мест. А старик Шиллинг, того круче, стоило ему пригубить, становился ловчее самого кабана. «Хочешь знать, где кабан – думай, как кабан» – так говорил он, искореживая избитую фразу.

А тем временем мы собрались на заднем дворе, чтобы закончить приготовления.

– Зять? – вполголоса спросил у меня Мак, глядя на Патрика.

– Да. Смотрю, что с него взять, – ответил я.

– Толковый?

– Черт его знает. Военный. Пять лет по контракту.

– Зачем берешь тогда, раз не знаешь?

– В надежде, что кабан сломает ему ноги, – засмеялся я, тем самым привлекая на нас внимание.

– Что обсуждаете? – завелся Стёпа.

– Да так. Собираемся накатить.

– О-о, это надо, – тут же потер руки тот.

Затем, отведав Сэма, мы прошли к склону, что находился за моим скромным огородом, и, миновав Давидию, спустились в заповедный лес.

Благо, погода была безветренная. Это с самого начала обещало результативную охоту. «Убьем пару кабанов и еще несколько незатейливых зверушек» – думали мы. Однако никто и предположить не мог, свидетелями какой чертовщины нам придется стать.

Уже после трех бутылок отпало всё желание охоты. Мы забрели в такую глубокую глушь, где не было ни одного следа человеческой цивилизации – девственная тайга.

Старик Шиллинг присел у дерева, чтобы перекурить. Мы, сколько мне помнится, последовали за ним, начали четвертую бутылку, после чего, немногим погодя, почуяли какой-то

резкий и мерзкий запах. Гадать долго не пришлось: это был запах животной мертвечины. Он появился так резко, что деду Стёпе даже не пришлось закусывать.

– Что за ерунда, мать его за ногу? – скривился он. – Так вонять может только сотнядохлых ежей. Каждому из них не меньше трех дней!

Патрик, проявив инициативу, поднялся и попытался определить сторону, откуда шел запах. Он оперся о дерево, чтобы не свалиться, выпрямил ноги, чтобы казаться выше – думал, что это даст ему какое-то преимущество в выслеживании источника благовоний – и в отчаянии присел обратно.

– Надо идти домой, – застонал бойфренд.

– Мы никуда не пойдем, пока не узнаем, откуда этот запах, – ответил я, и при помощи всё того же дерева попытался подняться. У меня почему-то это получилось намного лучше.

Помнится, я сразу же определил, куда нам нужно идти, и, скомандовав, повел за собой остальных.

Мой нюх привел нас в истоптанное копытами место, где, пройдя еще несколько метров, мы обнаружили десятки трупов диких кабанов. В силу того, что мы были пьяны, нам не удалось установить точную причину их гибели. Но, как мы тогда полагали, эти животные перебили друг друга.

Пусть мы были сильно пьяны, и всё мельтешило перед глазами, но все эти свиньи лежали так, будто бы они собрались в стадо из полсотни особей, забегали в хаотичном порядке и в миг отключились. На их коже, когда мы их осмотрели, не было следов выстрелов – только раны от клыков, которые, очевидно, были нанесены другими кабанями.

– Они забили друг друга до смерти, – заключил Шиллинг, склонившись над одной из тушек и прощупав ее.

– Уж очень мне всё это не нравится, – присел Мак, который, хоть и пьян, усердно напрягал извилины, чтобы вспомнить: – Вся эта картина мне что-то напоминает. Я где-то уже видел подобное. Не могу вспомнить. Но знаю точно, что находится здесь не рекомендуется.

– Я сразу сказал, надо идти обратно, – вновь застонал Патрик, держа себя за лицо. Ему было плохо, его тошнило. Но виноват в этом был не только запах, ведь Патрик был просто-напросто пьян.

Мне же ничего не оставалось, кроме как просто слушать, переводя взгляд то в одну, то в другую, то в третью сторону.

А ведь запах был и впрямь очень мерзкий: пробирал до мяса и костей. Это была не просто вонь мертвечины. Это было что-то другое. Присутствовала какая-то кисловатая примесь.

Конечно, сейчас я знаю, что всё это было. И понимаю, какой опасности мы подвергали себя и наши семьи. И, наверное, если бы мы простояли там еще немного, то мои пальцы сейчас не строчили бы по клавишам пишущей машинки – они бы уже давно гнили где-нибудь в почве таёжной глуши.

Еще одним везением было то, что мы не дошли домой. Нет, мы не заблудились. И даже не устали. Просто мне было стыдно показываться в таком состоянии перед Лизой. Она могла переживать, это я понимал. И ведь никто из нас не знал, какую опасность я представлял на самом деле. Появись я дома, ссора была бы лучшим вариантом из всех возможных – ведь над последствиями худшего сейчас страшно даже задуматься.

Задул ветер. Для нас это сработало как знак, и мы вновь поднялись. На этот раз, нагнетаемые столами Патрика, мы пошли обратно. Вспомнить дорогу было нелегко, но, благо, рядом находился старик Шиллинг – первоклассный ориентировщик и, вообще, асс по выживанию. Только благодаря ему мы не замерзли той ночью – он распалил костер. Я бы нисколько не удивился, если бы Стёпа в добавок ко всему умудрился накормить нас.

Впрочем, теперь это всё неважно. Мы должны были просто отоспаться и благополучно вернуться домой.

Глава 3

– Вижу, охота прошла удачно, – скромно засмеялась Лиза, когда, спустившись на кухню, проходила мимо меня, лежащего на диване. – Тебе воды налить?

– Это всё Мак, – ляпнул я, сбавляя всю вину на напарника по работе. Я понимал, что жена не станет усиливать мою головную боль. И вообще, этого нет среди черт ее характера. Но, тем не менее, перестраховался.

– Серьезно? – с сарказмом изумилась она, делая наигранный вид, будто в чем-то меня подозревает. – Я, конечно, подумала, что ты сам выдвинул инициативу нажраться в хлам.

Жена всегда любила надо мной подшучивать. И за это я ее боготворил. Ведь она была единственным человеком в моей жизни, кто заботилась обо мне последние двадцать лет. Лиза никогда не бросала меня, даже когда я творил немыслимые вещи и нес сумасбродную чепуху. Она всегда носила на своем лице приятную улыбку и также приятно подшучивала надо мной, как бы напоминая, как сильно она меня любит.

Когда вспоминаешь и пишешь такое, понимаешь, какие всё-таки мы, мужчины, – животные. Мы говорим о какой-то эволюции, мол, все когда-то были обезьянами и однажды сделались людьми. Нет, не все. Сильный пол так и остался охотником, сеющим страх окружению, хозяином своего небольшого земельного ареала – существом, действующим за счет инстинктов. И только слабый пол, обретая качество, смог стать человеком. Даря улыбку, они маскируют под людей и нас.

– Этого больше не повторится, – приуныл я. – И, действительно, водички бы.

– Мало того, вы ничего не принесли, так еще и Патрика споили. Проспится и поедет на службу.

– Это недоразумение. Впрочем, так ему и надо. С алкоголем, да не с дочерью.

– Ты неисправим, – расхохоталась она и поднесла стакан с жидкостью.

Вдруг зазвонил телефон. Это был Мак. Я сразу же посмотрел на настенные часы и удивился: в такую рань, а сейчас было только восемь часов утра, Мак мог звонить только по очень важному делу. Это и сдерживало меня отвечать на звонок. Мне очень хотелось закрыть глаза и уснуть.

– Слушаю, Мак. Что случилось?

– Срочно приезжай в участок. И ни о чем не спрашивай. Просто гони сюда.

Голос Мака выдавал небольшой испуг. Напарника явно что-то беспокоило. И вряд ли это было первое преступление в виде убийства в Далтоне. Нет. Тут что-то намного ужаснее.

– К чему такая срочность? Я же еще даже не протрезвел.

И после этой моей фразы я вдруг понял: а ведь Мак-то протрезвел. Значит, случилось что-то действительно серьезное.

– Брендан, вспомни вчерашних кабанов. Сегодня мне позвонили из штаба и сообщили одну ужасную новость. Кажется, теперь я знаю, что убило этих зверей.

– Выезжаю.

– Даже не позавтракаешь? – всё также, улыбаясь, спросила Лиза в реакцию на мою спешку.

– Нет, очень тороплюсь. Наверное, случилось что-то серьезное. Звонил Мак. Сказал, срочно быть в участке, – быстренько передал все услышанное я, переодеваясь в служебную амуницию.

– Будь осторожен, – обняла Лиза. – И тебе не помешало бы помыться.

Тут со второго этажа спустился Фабиан.

– Что ты тут делаешь? – растеряно изумился я.

– Спустился позавтракать, вообще-то.

– Разве сегодня не понедельник? Ты должен быть в школе. Господи, сколько я пробыл в лесу?

Лиза рассмеялась и ответила:

– Ах да, звонили из школы, сказали, что закрывают ее на временный карантин. Это всего на неделю. Говорят, в каких-то профилактических целях. Ничего страшного – думаю, детям можно отдохнуть.

Но на том сюрпризы не закончились.

– Вообще-то, мы всё это время были здесь. Я сидела на лестнице и слушала музыку, – спустилась Виктория.

– А я мыла посуду, – сразу же после сестры выкрикнула Давида, выглядывая из проема в форме арки, что соединял гостиную и кухню.

– Хм, вот как, – пробурчал я и в спешке удалился из дома.

Всё то время, что мне пришлось пробыть в пути, пока машина преодолевала естественные барьеры земляной пятикилометровой дороги, я мыслил над связью трех фактов: туши кабанов, паника Мака и карантин школы. Во всем этом была непосредственная связь. Но какая именно? Об этом я узнаю только в самом участке.

– Что случилось? – задал вопрос я, как только за мной захлопнулась входная дверь.

– Звонили из управления. Сказали, чтобы мы дежурили и не давали людям покидать свои дома. Школу и детский сад я уже поставил на карантин.

Лицо Мака было неестественно, для него самого, взволновано. Обычно, напарник был ко всему хладнокровен. Но это совершенно иная ситуация. Видя его обеспокоенность, становилось не по себе и мне.

– Конкретную причину называют?

– Ее и называть не нужно. Смотри, – указал он, взяв пульт и включив телевизор. – Помнишь, вчера я говорил тебе про Китай? Теперь эта чертовщина творится еще и в Индии с Пакистаном. Общественность взволнована тем, что если это эпидемия, то она слишком быстро распространяется.

Большинство каналов, что мы тогда прощелкали, показывали одни и те же безумные кадры: люди, которые были показаны там, сходили с ума и кидались друг на друга словно одичалые. И это была не шайка головорезов, не тридцать человек и даже не сотня, раз уж на то пошло, – это были тысячи людей. Они брали в руки всё то, чем можно бить, и бросались на прохожих – на здания – на всё вокруг. Эти люди забивали до смерти.

– Но почему карантин? Безумие передается? – озадачил я, полагая, что Мак уже обо всем осведомлен.

– Понятия не имею, но, судя по всему, это так, – ответил он. – Сегодня только второй день с момента появления этой ерунды. Еще никто не установил официальную причину. Большинство склоняется к тому, что это дело рук неизвестной секты или террористическая организация.

– Слабо верится.

– Именно. Потому что те кабаны, которых мы вчера обнаружили, тоже могли обезуметь. И, в случае с ними, это точно не секта.

В течение следующего часа мы объезжали Далтон и настоятельно рекомендовали людям запереться в своих домах. Главное, было не допустить паники. Чего, в общем-то, и не происходило. В тот день жители еще сохраняли спокойствие.

– Лиза, я сегодня поздно приеду, аж под самые сумерки. Не выпускай детей из дома, и сама никуда не ходи.

– Всё-таки что-то действительно серьезное. – Ее голос слегка задрожал, и она глубоко вздохнула. – Чужо моё сердце. Чего нам опасаться?

– Буду дома, всё объясню. Но если не терпится, включи телевизор. Там сейчас не навязывают мнение, дают поле для размышлений – видеофрагменты без комментариев.

После разговора с женой я еще не успел убрать телефон, как раздался звонок от старика Шиллинга.

– Что ему надо? – задался Мак, сидя на переднем пассажирском сиденье.

– Черт его знает. Мне ответить на звонок?

– Хрен с ним, отвечай.

– К чему такая срочность, Стёпа? – приветливо начал я.

– У меня весь задний двор полон дохлых кур, мать вашу за ногу!

– Что ты хочешь этим сказать? Лисы загрызли?

– Сосед сказал мне то же самое, дери его за ногу! Говорит, «когда тебя не было дома, я слышал, как неугомонно носились твои куры. Сначала подумал, что ты, пьяный, есть захотел, поэтому не пошел проверять. А потом вспомнил, что ты на охоте. Кинулся, а куры уже дохлые», – процитировал Шиллинг, глумливо пародируя голос соседа.

– Я-то тут при чем? Теперь чаще будешь навещать ко мне на ужин.

– Ты так и не понял?! Ты вообще смотришь телевизор?! С моими курами та же херня, что и с теми вонючими кабанами!

Я призадумался.

– Что замолчал?! Может ты скрываешь от меня что-то?! Вам в администрации всё давно объяснили! Говори, что за хрень убила моих кур?!

Старик Шиллинг вёл себя как-то странно. Он не мог стать таким агрессивным только из-за того, что потерял десяток кур. Конечно, теперь ему придется чаще ходить на охоту, но причина агрессии крылась далеко не в этом.

Не став отвечать, я оборвал связь и выключил телефон.

– Он бредил? – спокойно, в медленный темп езды нашего патрулирования, спросил Мак.

– Не то чтобы бредил... скорее, вёл себя странно – несвойственно себе. Как будто это не он.

– Если ты о брани в конце каждого предложения, напомню тебе, что он всегда так делает.

– Нет-нет. Тут что-то другое...

Поздно вечером, когда семья уже должна была поужинать, я отправился домой. И, честно говоря, если бы не скоростность приближающихся событий, я б возвращался так каждый день.

Подъехав к дому, я заглушил двигатель, запер пикап и пошел к террасе. В доме тем временем все уже спали – на втором этаже везде был погашен свет. Горел лишь фонарь, освещавший террасу, и кухонный светильник, который мы почти никогда не выключали – его свет высвобождался и рассеивался на заднем дворе, тем самым позволяя мне следить за тем, что там происходит.

В гостиной в полусонном состоянии меня ждала жена. Чуть не засыпая над краешком стола, она то и дело подогревала ужин в надежде, что я вот-вот приеду.

– Без тебя я бы всё равно не уснула, – прокомментировала она сию картину, когда зажглась включенная мною гостиная люстра.

– Впервые вижу тебя такой, – улыбнулся я, вешая куртку.

– Какой? Переживающей? – Ее лицо ничуть не поменялось. Лиза была чем-то расстроена. Но долго гадать не пришлось: – Почему ты был недоступен?

Да. Она переживала по поводу того, что не знала, что со мной происходило. И в этом была только моя вина. Я признал это сразу.

– Черт бы побрал этого Шиллинга. Он названивал мне, и я выключил телефон. Прости.

Благо, Лиза была хорошим человеком – она не любила закатывать скандалы. Ее от этого воротило, впрочем, как и меня.

– По-твоему, как я должна была себя повести? – озадачила она. И это была одна из лучших ее черт. Лиза умела задать такой вопрос, после которого всё становилось на свои места.

– Ты права. Я б переживал еще больше, если бы не знал, что происходит с тобой. С ума, наверное, сошел бы.

В ответ на мои слова жена, опустив глаза, негромко и устало посмеялась. Будто хотела показать этим мою глупость, которую, честно говоря, я не сразу обнаружил.

– Брендан, ты и так не знал, что с нами происходит, – продолжала искусственно улыбаться она, покручивая головой из стороны в сторону, – но так и не позвонил.

Да, тогда я стал еще больше не прав. И если бы не понимающая, лучшая жена на свете, я б давно спал в кузове пикапа.

– Ужинай и иди спать. – Лиза поднялась из-за стола и пошла к лестнице, возле которой напомнила: – И не забудь сходить в душ.

Той ночью Лиза никак не могла уснуть. Она лежала на кровати и читала книгу, чьи страницы освещал тусклый светильник, стоящий на комодке справа. В комнате было достаточно темно, чтобы споткнуться о что-либо, и достаточно светло, чтобы с трех метров увидеть усталое лицо жены.

– Бессонница или до жути интересная книга? – поинтересовался я, рыская по шкафу в поисках пижамы.

Да, я любил пижамы. Всегда спал только в них. Привычка, привитая откуда-то из раннего детства. Настолько раннего, что моя голова решила удалить эту информацию еще лет так в десять, посчитав ее просроченной.

– Герберт Уэллс. Осталось немного страниц – решила дочитать.

– Отлично. Я начну читать ее сразу же после тебя.

– Будешь читать так же, как «Человека-невидимку» и «Машину времени»? До сих пор читаешь с прошлого года. Небось, растягиваешь удовольствие? – подловила она.

Мне срочно нужно было ей как-то ответить. Так, чтобы она улыбнулась и тем самым сбросила всю усталость с лица.

– А что это за книга? «Война миров», – прочитал я, ответив на свой вопрос. – Ну эту книгу я уж точно прочту.

– Держи. – Лиза захлопнула ее и протянула мне, после чего ехидно улыбнулась. – Я закончила. Твоя очередь.

Тогда я понял, что влип. Моя рука потянулась, сработал хватательный рефлекс, и следующие полчаса мне пришлось перелистывать пожелтевшие страницы старого издания. Ежеминутно, если не ежесекундно, мои веки тяжелели настолько, что я вот-вот должен был уснуть. Но я держался – ждал, когда уснет Лиза. И только убедившись, что она крепко спит, я позволил отключиться и себе.

Это был вторник. Дети по привитой привычке проснулись в школу, жена встала состряпать нам завтрак, а я, продирая глаза, собирался идти на работу. Каждый еще дремал и пытался найти себе источник бодрствования: одна болтала по телефону, другой листал музыкальные каналы по телевидению, третья читала книжку, четвертая готовила, а я наблюдал за всем и никак не мог вспомнить, куда дел свой телефон.

Вспоминал минуты две-три. Уже хотелось идти к Лизе, но стоило мне приподняться, как я обнаружил устройство в своей руке. Такое бывает.

– С кем ты там так долго разговаривала? – спросил я у Виктории, как только та поднялась с лестничной ступеньки и зашагала вниз.

– Патрик уже в части. Звонил мне. Сказал, их мобилизуют для чего-то.

Старшая дочь никогда не отличалась особыми знаниями в каком-то деле. Она переняла лишь половину всего самого лучшего у своей матери – внешность. Отсюда и безразличие к независимому от нее миру, что объясняет ее неосведомленность в глобальных общественных процессах. Не хочу говорить, что она глупа и в чем-то неправа, нет. Просто у девочки всегда была сфера собственных банальных и в то же время правильных и естественных ценностей – ее заботило здоровье и благополучие близких, поддержание уровня «хороших» оценок в школе, ведение дневника и эстрадная мечта. Отсюда и нежелание интересоваться чем-то, выходящим за рамки ее обыденности. Так, зная, что Патрик вполне вероятно будет подвержен опасности, Виктория вряд ли захочет понять, что из себя представляет источник той самой опасности.

– Страну охватила какая-то эпидемия, вот военных и беспокоят. Патрик будет следить за порядком на улицах, не более. – На самом деле я не знал, что происходит. А говорил так лишь для того, чтобы девочке стало легче. Мало ли, что у нее на уме.

Затем мы сели завтракать, и я щелкнул гостиный настенный телевизор. В общем, сразу об этом пожалел.

Первый попавшийся канал крутил свежие записи с мест, куда добралась эпидемия. Так как комментарии к происходящему были не самые успокаивающие, я моментально щелкнул на другой канал. Там кадры и речь оказались еще ужаснее. Третий канал вообще прогнозировал скорое распространение эпидемии по всей России. Тогда я, сделав лицо, будто бы ничего плохого не показали, выключил телевизор.

– Хорошая погодка, кстати. – Мне показалось, что этим трепом я скрою накотившее меня волнение, однако этим я только усугубил ситуацию: выражение моего волнительного лица привлекло к себе еще больше внимания, а я стал казаться чуточку наивнее.

Дети окинули меня в чем-то подозревающими лицами и переглянулись друг между другом. Затем Фабиан пожал плечами, глядя на Викторию, перевел глаза на меня и сказал:

– Пап, вообще-то, у нас у каждого в комнате есть телевизор. И я так же, как и ты, смотрю его.

– А что – мы переглядывались из-за этих мерзких картинок? – Виктория приподнятой кверху ладонью и косым взглядом указала на телевизор. – Я думала, это из-за пересоленного бекона, – добавила она. В ответ на что Фабиан недоуменно посмотрел и глумливо покачал головой.

Затем раздался звонок. Я сразу почуял, что это Мак, и, когда взглянул на экран, удостоверился в этом.

Следующей моей чуйкой была страшная новость. Мак не мог звонить просто для того, чтобы подогнать меня. Поэтому я заранее мнил, что в его словах будут нежеланные известия об ухудшении обстановки вокруг неизученной эпидемии. В общем, снова угадал.

– Слушаю, Мак. Что стряслось?

– Первое убийство в Далтоне. Да не простое – за все двадцать лет тихой жизни отыгралось. Ни за что не угадаешь, кто убийца. Это шокирует еще больше.

По сравнению с понедельником в тот день Мак спокойнее относился ко всему, что произошло или всё еще происходит. Отсюда и мои неверные догадки. Я не мог и представить, что убийцей может оказаться именно этот человек.

– Неужто мэр Далтона? – посмеялся я, не восприняв всю накаленность обстановки. Но когда я понял, что Маку нисколько не смешно, то сразу отбросил все шуточки и сделал каменное лицо.

– Нет. Но если я назову имя, ты не поверишь.

– Славка Добряк что ли?

– Стив Шиллинг, – раскрыл Мак все карты.

Мне на пару секунд стало не по себе, напрочь пропал аппетит. Конечно, напарник мог пошутить, особенно если бы он находился в то время с Шиллингом. Но ведь настали времена, в которых не до шуточек. Это и пугало меня больше всего.

Мои преднамеренно натуженные брови, не без бороды создающие каменный образ, полегчали и уплыли вверх, создавая тем образом пространство для глаз, которые будут выражать страх и недопонимание.

– Кого он убил? – начал я после десятка секунд, проведенных в упорядочивании внутривисцеральных неразберих.

– Семейю своего соседа. Самого соседа убить не смог; тот дал показания, в которых сказал, что Шиллинг забрал его машину и поехал на восток через весь город. Так что, если пожелаешь, можешь заехать на место преступления. Тебе по пути. Сейчас там работают полицейские из управления.

– Еще вчера утром мы прощались с ним возле моего дома, вечером болтали по телефону, а сегодня он уже преступник. Я не верю, что он мог убить.

– Это факт. К тому же он угнал машину и уехал. Значит, он осознавал, что делает.

– Или не осознавал, – задумался я, замолчав.

– Что ты придумал? У тебя есть какие-то соображения по этому поводу?

– Да, есть. Шиллинг касался соседа?

– Да, тот весь избит. С трудом выжил. Если бы не его ружье, он бы не отбился от старика.

– Сегодня вечером сможешь устроить мне разговор с потерпевшим?

– Вряд ли удастся. С ним весь день и всю ночь будет находиться специальный психолог из управления. Поговорить можно будет только с ее позволения. Так в чем заключаются твои соображения?

– Пока еще ни в чем. Заключить их мы сможем только сегодня вечером, если поговорим с потерпевшим.

Я разорвал связь. Мне срочно нужна была поездка в одиночестве. Два десятка минут в размышлении с самим собой. Мне казалось, я начинал понимать, что произошло с Шиллингом.

Бывает, люди не могут понять простых очевидных вещей. Они смотрят на картину и пытаются увидеть в ней что-то глубокое, в то время как там ничего нет, или наоборот. То, что, казалось бы, может быть таким простым, мы заворачиваем в белую и черную пелену. Но нас не нужно в этом винить. Ведь это не черта людской глупости – это всего лишь попытка усложнить или облегчить свою жизнь, тем самым показывая остальным свою динамику. Так уж мы устроены. Это в нас заложила природа.

В нашей среде всегда было популярно отношение понятий «живу» и «существую». Мы так увлекались поисками отличий, чтобы обернуть «живу» в белую пелену, а «существую» в черную, что совсем забыли, что одно вытекает из другого. Как ствол дерева, берущий начало в своих корнях.

Природа – гениальный художник, создавший мир полный знаков. Одним из таких знаков я увидел дерево. Вместо того, чтобы попытаться расшифровать, мы уничтожили его – сократили популяцию. Так, выигрывая дни для жизни, мы уничтожали дни для существования. Никто не мог и подумать, что природа подготовит нам грубый ответ.

– Ты не разговаривал с психологом насчет разговора с потерпевшим? – спросил я, войдя в отделение и сняв верхнюю одежду.

– Разговаривал. Доктор Третьякова сказала, что теперь, разговоры с потерпевшим, это не в нашей с тобой компетенции. Но что-то мне всё это не нравится, – Мак дал понять, что мне нужно выслушать ряд его соображений. – Как только я закончил с ней, пришли люди из непонятной организации. Я не стал ничего спрашивать у них, сам понимаешь. Зато видел, как они

брали у потерпевшего анализы. Я готов с точной уверенностью заявить, что правительство нам чего-то недоговаривает. То, что произошло с теми свиньями, с Шиллингом, и до сих пор массово происходит в странах Азии, несет скрытую угрозу с невообразимыми последствиями.

Мак сидел в кресле за столом и покручивал в руках нераскрытую пачку сигарет. Рядом с ним на столе лежала связка ключей, стопка бумаг и эксклюзивный стационарный телефон.

– С чего это ты курить начал? Бросил ведь, когда из Кракова перебрался. – Мне показалось, что этим разговором удастся немного отвлечь напарника, тем самым вызволив из него дополнительный поток мыслей.

– Черт его знает. Но еще не начал. – Мак не смотрел на меня. Из-за нервов его выпученные глаза пристально, как завороченные, наблюдали за стационарным телефоном. Как будто кто-то вот-вот позвонит.

– Ждешь звонка?

– Чьего? – Глаза напарника всё же оторвались от устройства и уставились на меня. – Ах да, ты об этом, – улыбнулся он, но нервные жилки у виска продолжали выдавать обеспокоенность. – Я не знаю, что со мной творится. Я перестаю понимать, что происходит. Такое ощущение, что мы попали в какой-то фильм и ожидаем тяжелой участи, трактуемой сюжетом.

Конечно, я тоже был всем этим обеспокоен. И, наверное, даже больше чем Мак. Однако в напарнике было что-то такое, чего он не говорил. Как будто держал в груди острый камень: то и дело лихорадочно ворочался, а по лицу скатывались капли пота.

– Ты не хочешь мне ничего сказать? Если есть какие-то проблемы, ты же знаешь, я всегда помогу.

– Ты о чем? Что со мной не так? Вроде бы всё нормально. За людей вот только переживаю. – Мак произнес это так, будто пытался сатирично съязвить, дабы вызвать обоюдный подъем, ушедшего на дно настроения. Правда, результат насмешки над людьми не оправдал себя – я продолжал недоумевать в странном поведении напарника.

– Никогда не видел, чтобы ты так часто терял своё хладнокровие. Вижу, ты пытаешься воспрянуть, вызволить себя из недр, но у тебя не выходит.

– Что тебе надо, Брендан?! – внезапно сорвался Мак, выскочив из кресла и опершись о стол. Он почти склонился над ним, чтобы оказаться как можно ближе ко мне. – У нас куча работы! Когда нам с ней справляться?! У меня сын дома! Я не успеваю приготовить ему нормальной еды!

– Полегче, Мак. Я тебя понял. Сядь и успокойся. Мы что-нибудь придумаем.

На самом же деле я всё еще ничего не понимал. Знал лишь то, что надо было заканчивать с допросами и тем самым унять пыл напарника. Однако моя следующая попытка запутала ситуацию еще более.

– Мы можем отвести Мирослава ко мне домой. Думаю, все с этого только выиграют, – предложил я.

– Нет. Всё нормально. Мы никого никуда не повезем. – Мак вдруг как-то быстро уgomонился: присел на кресло и ладонью стер пот со своего лба.

– Точно?

– Точно-точно, – подтвердил он.

Сами понимаете, что я должен был подумать. Да, уже тогда мне почуялось, что с его сыном что-то неладное. Однако я не стал вдаваться в подробности – Мак вышел из беседы так искусно, что тема о Мирославе потерялась в уголках кабинета как-то сама собой.

– Сейчас должно начаться шоу Элтона Платова. Включи телевизор, пожалуйста.

Пару лет назад комик Элтон Платов был на пике своей популярности, что позволило ему создать собственное шоу. Рейтинги передачи давно уже не ставят рекорды, но всё равно удерживают у экранов телевизоров приличную зрительскую аудиторию.

Чем примечательно его шоу? Да ничем особенным... Просто сам Элтон и все гости его передачи полностью перекрашивали свою кожу в тот или иной цвет, чаще всего в синий, зеленый и красный. Перекрасившись, начинались интересные дискуссии. Людям нравилось смотреть такие передачи.

Иногда Элтон Платов так входил в свой сценический образ, что, будучи перекрашенным, проводил свою повседневность.

После окончания шоу, длившегося три четверти часа, мы как-то невзначай снова вспомнили и заговорили о Шиллинге. Правда, на этот раз размышления стали более продуктивнее.

– Сегодня утром, когда ты звонил мне, я думал об одной интересной вещи. Даже, наверное, связке, – начал я, глубоко задумываясь.

– И о чем же?

– О связи между безумством кабанов и Шиллинга. Вспомни, он был единственным, кто приблизился к свинье на максимально близкое расстояние – он коснулся ее.

Мак смотрел на меня так, будто бы давно уже знал о тех мыслях, к которым пришел я. Но он держался молодцом и до последнего не выдавал себя.

– Меня больше интересует вопрос, почему в таком случае не заразились мы? – спросил Маккензи.

На самом деле ответ на данный вопрос был очень простым. Не факт, что был правильным, но этот ответ позволял посеять поле для следующих раздумий.

– Потому что мы не касались кабанов. Всё просто.

– Нет, Брендан. Тут всё намного сложнее. Ведь эти свиньи тоже должны были от кого-то заразиться.

– Это верно. Но для начала предлагаю поверить в ту версию, которая наиболее очевидна. Давай представим, что безумство и чертовщина, творящиеся вокруг, это результат некоей эпидемии, передающейся через касания. – Мы вдруг оба как-то задумались. Потом у меня самопроизвольно вылетело: – И эта зараза овладевает жертвой так быстро, что сходишь с ума чуть ли не моментально.

Мы переглянулись и, подумав об одном и том же, в голос произнесли: – «Доктор Третьякова!»

Схватив патрульные дубинки, мы оба рванули в комнату, где располагались потерпевший и психолог. Так как местный далтонский госпиталь был частью здания администрации, то бежать далеко не пришлось. Через две минуты мы были уже на месте.

– Доктор Третьякова! – закричал я, взывая услышать голос за дверью, но никто не отвечал. Тогда я постучался и, вновь не получив никакой реакции из-за двери, потянулся к дверной ручке.

– Какого черта ты творишь? – одернул меня Мак. – Заразимся, если на нас накинута.

– Давай слегка приоткроем дверь и, если вдруг что, сразу ее захлопнем?

Напарник кивнул головой.

Моя ладонь боязливо потянулась к ручке, схватила ее и провернула. Я потянул дверь на себя. Образовалась щель. Мак сразу же приноровился и проник туда взглядом.

– Вроде всё спокойно, – отметил он. – Открывай дверь полностью.

Я резким движением распахнул дверь и попятился назад. В комнате, что пред нами открылась, был устроен жесточайший погром, а посреди свалки неподвижно лежали два тела. По предварительной оценке, погром был устроен около тридцати минут назад.

В скором времени на место происшествия возвратились люди из непонятной организации. Нас с Маком отстранили от возможности помогать делу и направили патрулировать Далтон.

На следующий день, в среду, мир стал еще грязнее: были зафиксированы вспышки обезумевших в Африканских странах, в Испании, Франции, Великобритании и в Канаде. Вопрос неизученной эпидемии стал проблемой номер один во всём мире. Резко пошатнулась экономика. Нетронутые государства ограничили любое транспортное сообщение со странами Азии, в которых безумие охватило более десяти процентов населения, и в связи с чем введено военное положение.

Сумасшедшие, зараженные этой непонятной болезнью, стали объединяться в группы и громить мирные города. Если до этого обезумевшие просто уничтожали друг друга, то теперь они, будто подвластные единому центру управления, собирались в кучки и следовали туда, где хаос еще не распространился.

В тот день я впервые подумал о том, чтобы отстраниться от мира и переждать вспышки эпидемии в доме, посреди леса, вдали от погибающей цивилизации. Эта мысль не давала мне покоя весь день. Я старался никому о ней не рассказывать, ибо мог подвергнуть себя и свою семью обсуждению со стороны других людей. Но это было бы еще полбеды. Гораздо хуже, если бы те самые люди последовали за мной и заполонили своими палатками близлежащий лес. Ведь тогда под угрозу попадала вся суть плана – отстранение от мира во избежание контакта с человеком, вероятным носителем заразы.

Но были и другие проблемы, дамбами перекрывающие верно направленные потоки моих мыслей. Дело в том, что я сомневался и предполагал наличие иных источников эпидемии. Так перед глазами то и дело мельтешили образы свиных тушек.

Впрочем, погрязать в сомнениях мне долго не пришлось. Уже тем вечером телевидение сообщило об исследованиях, проведенных в Великобритании. Там говорилось, что причиной эпидемии является универсальный вирус, который совершенствуется чуть ли не ежесекундно. Он передается через организмы крупных животных, в том числе и птиц. Это означало лишь одно: подхватить вирус можно было даже если просто погладить зараженного на вид безобидного щенка.

Но была новость, которая наводила страх еще больше. Это были слова, произнесенные одним из ученых, занимающимся исследованием вируса. Он говорил: «Зараза передается не только через телесный контакт, но и через воздух».

Меня это беспокоило сильнее всего. Ведь если те кабаны были заражены, то почему вирус не передался мне? Над этим вопросом я бился еще несколько дней, пока ответ на него не дала сама Россия. Но об этом я повествую позднее.

А между тем, возвратившись с работы, мне показалось правильным доверить Фабиану ружье. Пока я отсутствую дома, кто-то должен уметь постоять за семью. А в те времена вопрос семейной безопасности становился особенно актуальным.

Лужайка слева от дома показалась мне самым удобным местом для общения с сыном. Однако разговор не заладился с самого начала.

– Лучше бы брал меня на охоту, когда я просил. Стрелять я и так умею.

Фабиан часто злился на меня по пустякам. Он любил давить на то, что я воспитывал его неправильно. Всегда просился со мной на охоту, но я почему-то не брал его. Не хочу писать об этом, но сразу признаюсь, что был не прав. Я должен был положительно отвечать любым его капризам. Особенно желанию охотиться. Возможно тогда он был бы более подготовлен к событиям, которые еще придется пережить всем нам. Многим не пережить...

– Вопрос стоит не в умении стрелять, Фабиан. Вопрос в доверии.

– В каком еще доверии? – презренно спросил сын.

– Я хочу доверить тебе ружье. Как ты говорил мне на одном из завтраков, ты прекрасно понимаешь, что происходит в мире. Ты способен судить происходящее, а значит понимать, что всех нас ждет трудное будущее.

– Не понимаю тебя, – прищурился он, сложив руки перед грудью.

– Эпидемия может прийти и сюда, к нам. Она может оббить порог нашего дома уже завтра или даже сегодня. И наша с тобой обязанность в том, чтобы зараза или любой другой ее носитель не попал в наш дом и не заразил нас. Пока я дежурю в Далтоне, ты должен дежурить здесь.

Я старался произносить каждое слово так, чтобы восприимчивое сознание Фабиана прониклось моими мыслями. Девочки не смогут защитить себя и могут дрогнуть в самый ответственный момент. А вот Фабиан был смелым сыном, поэтому я верил в него и хотел положить.

– Носить ружье не так уж и сложно, пап. Или ты имеешь в виду что-то другое?

Тогда я увидел, что сын начал понимать. Мне оставалось добавить всего несколько слов.

– Я хочу сказать, что ты будешь не просто носить ружье – ты будешь носить смерть. Если ты увидишь чужака и не сможешь его прогнать, то тебе останется только одно... – я специально замолчал, чтобы Фабиан продолжил мою мысль. И не ошибся.

– ...убить его.

Теперь я знал, что сын готов. Но даже несмотря на это я жутко переживал. Ведь я мог наделать много ошибок, одни из которых не будут простительны. Никогда.

– Брендан, ты совсем обезумел, – начала Лиза, как только заметила Фабиана, поднимающегося с ружьем по лестнице на второй этаж. Она, как всегда, была спокойна в лице и, вникая в ход моих мыслей, пыталась разобраться происходящее. – К чему такие меры?

– Чует моя задница, мир припас для нас немало гвоздей. Мне будет гораздо спокойнее, если я буду знать, что сын ходит с заряженным ружьем.

– Ты не перестаешь меня удивлять. – Жена развернулась и пошла на кухню.

– Этого ты и ожидала, когда сказала мне «да» в церкви, – последовал за ней я, произнося приятные слова.

– А теперь поцелуй меня и сходи за Давидой. Уже смеркается, а она всё еще возле своего дерева.

После этих слов я сразу же поменялся в лице. Расслабленность, вызванная очарованием Лизы, молниеносно перелилась в слабую консистенцию растерянности и гнева. Но я не стал ничего говорить, а просто выбежал из дома и помчался за Давидой.

Повезло. Она сидела у дерева и провожала последние лучики солнца, как делала это обычно. И, как небо освобождалось от алого света, стал угасать мой пыл, уходя за горизонт утешения.

Метров за семь до дочки мои ноги перестали бежать, и я смог спокойно дойти до нее, переводя дух глубокими вдохами и выдохами.

– Последнее время провожать солнце стало небезопасно, Давида. Тебе не стоит ходить сюда, пока не откроют школу.

Девочка еще немного посидела в тишине, будто не обращая никакого внимания на мои слова, а затем повернулась ко мне и, поджав колени к груди, заговорила:

– Садись рядом.

Я подкрался и присел.

– Ты сегодня неразговорчивая. Случилось что?

– Скучно. Хочу в школу. Или хотя бы до бабушки.

– Там небезопасно, Давида.

– Так небезопасно, как и здесь? – заметила она, загоняя меня в логическую ловушку.

– Ну-у, – протянул я, – тут менее небезопасно, чем там.

Потом дочка замолчала, пару раз оглянулась и проворчала:

– Как-то это всё подозрительно. Как в страшных фильмах.

– Ты о чем, Давида?

– То, что показывают по телевизору. Я об этом.

– Не принимай это близко к себе. Мы далеко от того, что там показывают. Сюда никто не проникнет, поэтому мы всё переживем. Мы ведь Мейеры, – улыбнулся я. – А теперь пошли домой.

Следующие ночи я засыпал с мыслью, что завтрашним днем всё прекратится. Не было еще того, с чем человечество не справлялось. Однако каждое утро, стоило мне включить телевизор, я расстраивался, так как всё сильнее поддавался лозунгу – «Людам объявлена война, в которой победить у нас нет ни единого шанса».

Однозначно это был вызов. Вызов свыше. В ту субботу мне думалось, что это Бог решил всех нас покарать, как это было во времена Великого потопа. Конечно, всему находилось правильное небиблейское объяснение. Но тогда я говорил себе просто: «Это сарказм свыше. Бог хотел пошутить над нами последний раз».

К субботе, всего на седьмой день после первых азиатских симптомов эпидемии, в мире не осталось ни одной страны, в которой не были бы найдены признаки наличия вируса. А так как действенных средств бороться с ним человечество еще не изобрело, наименее пострадавшие страны решили создать «ОКЗ» (Особые Карантинные Зоны). Честно говоря, я не знаю, удалось ли у них, но на выполнение плана были брошены все средства, в том числе и армия.

Суть «ОКЗ» заключалась в том, чтобы в полярной зоне России, а также в Сибирской тайге и Скандинавии, открыть международные участки, куда ссылались бы непострадавшие люди со всего мира. Участие в программе было доброжелательным, и чтобы поучаствовать, нужно было прийти в ближайшую военную часть и попросить помощи.

Но чего такого особенного в этих зонах? И что если внутри «ОКЗ» всё же произойдет заражение и начнется эпидемия среди участников? – спросите вы. И ведь вопрос абсолютно дельный.

Дело в том, что государства, работающие над «ОКЗ», приняли хартию, в которой разрешалось убийство людей с симптомами болезни. Посчитав такой путь решения глобальной проблемы наиболее рациональным с точки зрения сохранения человека как вида, страны пришли к данному документу.

В хартии также оглашались и другие пункты, приведшие общественность к диссонансу. Там говорилось о том, что страна, население которой на четверть заражено, даже по статистике скромных источников, переходит в агрессивный военный режим. Это означает, что создаются специальные армейские конвои, которым будет задано направление, по ходу которого они будут обязаны истреблять всех, кто хоть немного попадает под критерии обезумевших.

В субботу эти пункты уже повсюду исполнялись во многих странах Европы и обеих Америк. И только в России пока сохранялся наименьший показатель зараженных людей. Он был небольшим, не помню точную цифру. Говорилось лишь о том, что особая концентрация обезумевших была на юге страны, откуда медленно распространялась вверх на север. По данным, которые передавали еще действующие каналы СМИ, сообщалось, что в субботу скоординированные группы обезумевших пытались перебраться через реку Дон.

Из всего этого наибольший страх наводил тот факт, что южный регион обезумел всего за один день. Одного пятничного дня хватило, чтобы заразить весь северный Кавказ и подняться аж до самого Дона. Мы, в Далтоне, располагаясь в пределах радиуса двухсот километров от Ростова-на-Дону, больше всего боялись того, что уже в воскресенье зараженные могут прийти к нам. Вся надежда была на заградительные войска, растянувшиеся от Азовского моря через Цимлянское водохранилище и до Волгограда. Если они выдержат, то в воскресное утро наша семья успеет последний раз отомолиться в далтонском храме.

А пока, я и Мак ехали в патрульном пикапе и следили за порядком в городе. Мы удивлялись, что никто из горожан всё еще не поднял панику и не занялся мародёрством. В прочем, нам это было на руку.

– Ты не думал над тем, чтобы убраться из Далтона? – спросил Мак, толкнув дельную тему для разговора.

Я понимал, что дискуссии могут привести к тому, что я ляпну о своей затее укрыться в лесу. Нельзя было допустить, чтобы об этом узнал даже мой напарник. Но, тем не менее, что-то подначивало меня рассказать ему.

– Думал. Много раз думал... А что ловить-то? Выберемся из Далтона и куда дальше? Помоему, лучше всего оставаться здесь и надеяться на лучшее.

– На Бога.

– Вряд ли. Если он и существует, то он тот еще засранец.

– Вот из-за таких как ты, он и решил наказать человечество.

За последние дни Мак сильно изменился. Я заметил это еще несколько дней назад и даже пытался разузнать об этом, если вы помните. Но все попытки были тщетны.

Казалось, Мак в чем-то разочаровался, или даже отчаялся. При чем настолько сильно, что вроде бы даже начал веровать во Всевышнего. Сначала пропадало его хладнокровие, теперь появляются надежды на небо – у напарника точно были проблемы, о которых он не хотел говорить.

По всей вероятности, эти мои переживания по поводу Мака и явились главной причиной, развязавшей мне язык. Я больше не мог молчать – я хотел помочь.

– Когда Бог хотел всех нас затопить, Ной построил ковчег, где укрыл каждой твари по паре и таким образом сохранил жизнь. У меня похожая затея. Это, конечно, не лодка, но суть та же – а заключается она в том, что мы сможем укрыться и переждать... – Напарник смотрел на меня так, будто я предстал пророком, чьи благие слова, вкушенные им, должны были как-то помочь. – ...Ты возьмешь Мирослава и вместе с ним переедешь ко мне в хижину. Мы завалим подъездную дорогу, замаскируем дом, соберем охранный кордон и будем дежурить, чтобы никакая тварь не посмела забрать наши жизни. Пока чертовщина будет топить планету, мы проплываем среди леса и переждем. Западнее моей хижины труднопроходимая тайга, сам знаешь, с севера и юга леса пореже, но тоже надежны; таким образом, нам останется оберегать только восточный подступ. Думаешь, не сможем? Еще как сможем! Как тебе идея, а?

Мак еще некоторое время смотрел на меня, а потом медленно отвернулся лицом к боковому стеклу и, сдерживая крики отчаяния, застонал:

– Брендан, у меня проблемы...

– Какие проблемы? – спросил я, будто совсем не догадывался.

– Мой сын...

– Что с ним? – На этот раз я ожидал услышать что-то действительно ужасное.

– Он... обезумевший.

Я резко дал по тормозам, развернувши машину поперек дороги, выскочил из нее и направил табельный пистолет в сторону Мака.

– Почему ты молчал?! Выходи из машины!

Должно быть, вы не понимаете, почему я так отреагировал. Стоит объяснить. Понимаете, ведь если Мирослав всё это время был заражен, то Мак тоже мог быть переносчиком вируса. Этим он ставил под угрозу мою жизнь и, что хуже, жизнь моей семьи. Я не знал, как мне отреагировать, поэтому быстро выскочил из пикапа и попытался выиграть время для раздумий.

– Я мог заразиться, мудака! – продолжал свирепствовать я.

Но Мак спокойно выбрался из машины и, держа руки вверх, медленно, будто сам не свой, заговорил. Казалось, вот-вот и по его щеке покатится слеза – пепел отчаяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.